

Оглавление

ПОТАЙНОЕ

Изгнанник	13
Неблагонадежный элемент	63
Изгнанник	147
Неблагонадежный элемент	259
Изгнанник	319
Наследница	403
Неблагонадежный элемент	459
ПЛЫВИ, МОЯ ЛОДОЧКА	495
ЭПИЛОГ: НЕЖНОСТЬ	761
От автора	771
Благодарности	773
Источники	777

Наш мир — мир раскрывшейся розы,
Явной,
Явленной откровенно¹.

Д. Г. Лоуренс

Если они хотят отвергнуть Лоуренса,
то, Бог свидетель, должны отвергнуть
и самое жизнь.

*Гвин Томас в письме Майклу Рубинштейну,
адвокату защиты
со стороны издательства
«Пингвин букс»²*

ПОТАЙНОЕ

Меня изумляло его мужество и решимость увидеть и описать потайное, о чем не смеют говорить и писать.

*Фрида Лоуренс*³

Изгнанник

О том, что будет после, пусть позаботятся мертвые, но здесь — здесь живое средостение Вселенной: городок, подъятый от сна, в бескрайней сети света, и Средиземное море в пяти милях, в Кань-сюр-мер, переливается огромным опалом. Изгнанник проснулся рано и наблюдал, как темное тяготение ночи отступает перед зарей. Сейчас улицы были миражом, полурастворенным в ослепительном утреннем свете. Даже древние стены города исчезли, и от лающей собаки на улице под окнами остался только лай. Изгнанник щурился с балкона, среди гераней: береговая линия дрожит и мерцает отсюда до самого Антибского мыса. Не различить, где граница моря и неба. Крохотное пятнышко — океанский лайнер — сгустилось там, где, возможно, проходит горизонт, а свет все струится — нити, сбежавшие с утка и основы мира. Все, чего касался день, растворялось, ничто не могло вынести этого света, кроме гераней, их вызывающе поднятых красных кулачков.

Вчера, стоя навытяжку в одном белье в лазарете, он узнал, что в нем до сих пор, даже сейчас, пять футов девять дюймов росту, — во всяком случае, когда легкие позволяют выпрямиться. Он бы подбодрился, да вот только он не дотянул и до сорока пяти кило на французских весах, до ста фунтов на английских, чуть меньше семи стоунов. Он настоял на том, чтобы его взвесили по обоим шкалам, но в кои-то веки две нации были согласны друг с другом.

Но зато это означало, что он может лететь, практически буквально, куда ветер несет. Миндальные деревья городка

цвели горами бело-розовой пены. Ветерок, хоть и слабый, нес с собой живительный запах соли. Нужны только обувь и шляпа.

— Мы готовы? — крикнул он в комнату. Как снять стопор с колес этого дурацкого кресла?

На балкон вышла Фрида, щелчком открыла портсигар и по-рубенсовски томно облокотилась на перила. Ее не поторопишь. Плитки пола у нее под ногами были усеяны окурками сигарет и шкурками апельсина, кое-где почерневшими от времени, но Фриду это не заботило. Ее также не заботило то, что ее это не заботит. С балкона было видно, как внизу открывают ставни, добросовестно встречая день. В садике за домом мужчина средних лет мылся у бочонка, болтались спущенные подтяжки. Будто специально для нее, он пел, плеща на себя водой: «Сердце красавицы склонно к измене». Верди. Фрида притопывала ногой в такт. Она любила энергичные напевы.

Куры, выпущенные из курятников, кормились и кудахтали. Из булочной напротив пахло свежим хлебом — месье Клодель всегда начинал до свету. Кошки рыскали. Женщина — волосы еще упрятаны в сеточку — развешивала на веревке белье, и где-то вопил младенец.

Мало-помалу утро захватывало средневековые улочки и древние римские дороги. Фонтаны снова журчали. Лавочники крутили лебедки, высоко поднимая навесы над окнами лавок, преграждающие путь потокам света, и копыта тяжело-воза, приближаясь, били по камням. Через каждые несколько дверей возчик останавливался, прыгивал и сгружал огромный блок льда в наклонный ход в стене кафе или магазина.

Утро уже переливалось через край, посетители заполняли кафешки, и Фрида смотрела, как курортники неуверенно присоединяются к общему дню.

— Англичане, — заметила она, обращаясь к мужу. Она так и не избавилась от следов немецкого в речи. — По лицам видно. Белые, как тесто. Неошибочно.

— Несомненно, — поправил он.

Она учуяла струйку резкой вони — где-то засорилась канализация.

— Мне больше нравится «неошибочно».

Она повернулась, стряхнула пепел в карман-плевательницу на низком столике у кресла, снова развернулась лицом к улице и воззрилась вниз.

— Удивительно, правда? Английские младенцы совершенно прекрасны. Пухлые розовые персики. Апофеоз младенчества. Но когда они растут, с ними что-то случается. Я этого не понимаю.

Он склонил голову:

— Можно, мы уедем?

— Лоренцо, ты же обожаешь Средиземноморье. — Она глубоко затянулась сигаретой «Голуаз». — И отсюда в самом деле замечательный вид. Управляющий не соврал.

— Ты звучишь как «Бедекер»*.

Она-то думала, что звучит просто бодро. В Англии — единственной среди всех англоговорящих стран — всегда приходилось обдумывать, что собираешься сказать. Сначала сочинить, потом высказать. Английский язык в Англии был ловушкой, попав в которую неведомо для себя открываешь всю подноготную: социальное положение, место рождения (приемлемое или не очень) и уровень образования (которому собеседник может завидовать или сочувствовать). Невольно, несколькими случайными словами, выдаешь свою бесчувственность или, наоборот, избыток эмоций; уровень взыскательности, доверчивости, способности послужить козлом отпущения; а также — насколько ты овладел или не овладел кодексом принадлежности к группе. Англичанин скажет, например: «Как интересно», и нужно уметь понять, что он имеет в виду «Это чудовищно скучно».

Язык, созданный для шпионов, подумала Фрида. Инструмент, с помощью которого урожденные англичане пытаются, что думает собеседник и кто он есть на самом деле. Немецкий язык в сравнении с английским практичен и деловит, и после всех этих лет Фрида все еще скучала по его простоте. По-немецки люди говорят то, что думают. По-

* «Бедекер» — серия популярных туристических справочников. — *Здесь и далее примеч. перев., если не оговорено иное.*

бывав замужем за двумя англичанами и родив мужу номер один трех детей, Фрида, *натюрлих**, свободно говорила по-английски. Однако до сих пор — с излишней прямоотой или откровенной грубостью, хотя по-немецки то же самое было бы просто речью без ухищрений.

Это огорчало, но по крайней мере она избежала ловушек, расставляемых англичанами друг для друга, в том числе для Лоренцо. Он в основном избавился от ноттингемского говора, осталось только подчеркнутое произношение гласных. Много лет назад она ужасно удивилась, впервые услышав, как он говорит на родном диалекте — на приеме у леди Оттолайн, в элегантном лондонском особняке, по просьбе хозяйки дома. Позже Фрида сказала ему, что нельзя превращать свой собственный голос в забаву для гостей, нельзя отказываться от своего подлинного «я», но он только пожал плечами. Сказал, что хочет двигаться в обществе, «не привлекая к себе внимания».

Воистину, наблюдение так вошло в привычку у англичан, что Фриде казалось: они путают его с человеческой природой вообще, полагая, что любой язык служит замочной скважиной, через которую можно подглядывать за кем угодно. А они к тому же во время войны обвинили ее вот в этом самом — в шпионаже! Какая ирония! Будто она способна сохранить хоть один секрет! Нет, она не скупает по этому островку. Вообще ничуточки!

Изгнанник выдохнул. Фрида наконец-то курила молча. Она закрывала ему обзор, зато не нарушала тишину.

Они находились в тысяче футов над уровнем моря. От морского воздуха можно было бы ожидать свежести, но здесь уже наступила жара, несмотря на ранний утренний час. Лоуренс жаждал оказаться где-нибудь в другом месте, сбежать отсюда. Не просил ли он Фриду раз за разом — освободить его, устроить ему побег? Кто знает, действительно она планирует организовать ему свободу сегодня утром или будет

* Natürlich (нем.) — естественно.

снова уламывать остаться на несколько дней «ради его здоровья»?

Или, может быть, ради этого «в самом деле замечательного вида».

— Английское побережье было бы ничем не хуже, зато гораздо дешевле, — пробормотал он.

Деньги! Как они гложут человека! Даже сейчас он не мог не бояться какой-нибудь внезапной засады, разверстой тигриной пасти. С «Чаттерли» вышло неплохо, тысяча четырехста фунтов за первый же год — никогда за всю свою жизнь он столько не зарабатывал на одной книге. Он был этим вполне доволен, пока его английский литературный агент не сообщил, что Арнольд Беннет, чья литературная звезда уже закатывается — давно пора, по мнению Лоуренса, — по-прежнему зарабатывает двадцать две тысячи фунтов в год. Свинья у кормушки.

Изгнанник смотрел, как Фрида раскуривает очередную сигарету. Как он ненавидит ее за курение. И почему она так часто оказывается с наветренной стороны?

В минуты более реалистичного настроения он понимал, что она никуда не тронется с континента. Она обожала континентальные виллы. Она любила бесконечные апельсиновые рощи и легкомыслие европейцев. Ее поддерживали французские сигареты и присутствие итальянского любовника где-то на этом же массиве суши. Лоуренс знал: она была бы счастлива никогда в жизни больше не видеть Англию. Англия оказалась жестока к ним обоим. Даже заочно — там только что конфисковали весь тираж еще одного (последнего, последнего!) его романа. Но он все же слезно тосковал по этой стране.

Фрида, со своей стороны, ощущала простое, благодарное счастье за возможность выкурить сигарету в покое, за вид с балкона, за перспективу пожить на новой вилле, пусть и временно. Куда торопится Лоренцо? Молодой девушкой, бывая вместе с семьей при прусском королевском дворе, она подметила, что важные люди никогда не спешат, и этот урок несла с собой через всю жизнь, даже в самых стесненных обстоятельствах.

Она переместила вес тела на одно бедро, наблюдая за молодым брюнетом броской внешности, в кремовых фланелевых брюках и белоснежной рубашке, проходящим внизу. Он чуть-чуть напоминал кавалерийского офицера, которого она однажды поимела в баварской гостинице. Зачем торопиться в жаркий день? Их чемоданы уже в такси. Она заплатила водителю за терпение. Она тоже умеет планировать загодя. В конце концов, она немка и не лишена организаторских способностей.

Сейчас, облокотившись на перила балкона, она чувствовала, как расплелся узел прически и волосы скользнули на шею. Если юноша в фланелевых брюках поднимет взгляд на балкон, она обворожительно улыбнется. Заставит его обернуться. Маленькие жизненные удовольствия — вот что держит человека на плаву.

Изгнанник повернул голову, напряг слух: это в палату зашел санитар, забрать несъеденный завтрак. Санаторий «Ад астра» тщетно мимикрировал под роскошный отель, и вот это вот лязганье посудой называлось сервисом «доставка еды и напитков в номер». Само название было издевательством над латинским языком. «Per aspera ad astra» — через тернии к звездам. Он ухмыльнулся. Через тернии в бар, так будет вернее. Чахоточные постояльцы изображали бодрых отдыхающих, и в воздухе столовой каждый вечер висела густая пелена отчаяния, которая, пожалуй, прикончила бы его быстрее, чем его собственные легкие.

Лишь по его неотвязным требованиям Фрида наконец подыскала виллу. Во всяком случае, если верить ей. Иногда она просто говорила то, что, как ей казалось, от нее хотели услышать. Добрых десять дней назад он заявил, что ни одной ночи больше не останется в «Адской астре». Он сказал, что умрет от недосыпа: по ночам соседи за стенами так кашляли, что все здание сотрясало. А она парировала, что этот надсадный кашель — его собственный.

Сейчас она повернулась и стряхнула в его плевательницу еще добрый дюйм пепла.

— Я тебя просил этого не делать, — сказал он. Плечи стянуло веревкой напрягшихся мускулов.

- Может быть, как-нибудь съездим в Ниццу.
- Ницца не Брайтон, и меня уже тошнит от Франции.

Конечно, Ницца не Брайтон, подумала Фрида. Но любой предпочтет Ниццу Брайтону. В Лоренцо сегодня явно вселился дух противоречия.

Она смотрела, как лента дыма поднимается в дневное небо. Найти в Вансе место для жилья оказалось чудовищно трудно.

Раз за разом владельцы вилл отказывали ей, боясь заражения. За последнюю неделю она и Барби, самая способная из ее детей, — уже молодая женщина двадцати пяти лет — испробовали все средства, от шарма до подкупа, отчаяния, шантажа чувством собственной вины, но никто не хотел пустить чахоточного к себе во владения — чего доброго, он там и умрет, — а любое путешествие длиннее поездки в такси совершенно исключалось. Лоренцо просто не выдержит.

Утренняя жара заползала ему за шиворот, и запонки воротника прожигали шею до волдырей. Он подозревал: Фриде нравится, что он теперь беспомощен, кастрирован, инвалид, который без нее не выживет. Всего-то и нужно — добраться до Булони и сесть на пакетбот, идущий в Ньюхейвен или Брайтон. «Я рад, что мы едем в Сассекс — он так полон неба, ветра, погоды»⁴. Он жаждал увидеть белое сияние утесов на той стороне Ла-Манша. Морскую пену в сумерках. Желтые мячки на песке у соленой воды. Услышать шумное хлопанье волн. Но все это теперь *ферботен**.

— Эти места кишат дорогой швалью. — Он взмахнул рукой.

— Люди просто наслаждаются солнцем после долгой зимы, Лоренцо. Имеют право.

Он подергал себя за воротничок:

— На английском курорте люди не ставят свое счастье в зависимость от непрерывного солнечного сияния.

И хорошо, подумала она.

Но отчего это он вечно распространяется об Англии, будто она сама про нее ничего не помнит?

* Verboten (нем.) — запрещено.

— Англичанам ничего не стоит проскакать по камням и плюхнуться в холодное море. Костный мозг замерзает от холода. У стариков останавливается сердце. Яички сжимаются в песчинку. Но люди довольны. Никто не нуждается в том, чтобы постоянно пялиться на «замечательный вид».

Она водрузила грудь на перила балкона и подумала: может, молодой человек во фланелевых брюках снова пройдет тут на обратном пути?

— Мы хотим переменить обстановку, найти пару красивых ракушек, купить сувенир в какой-нибудь замшелой лавчонке. Мы ожидаем, как должное, толчею на пирсе, день-другой тумана, а под окнами, что ж, — он вцепился в подлокотники кресла, — под окнами только мусорщики орут, да так, что и мертвого разбудят.

Откуда-то из желудка поднялся кашель.

— Черт возьми, вот бы старые добрые английские мусорщики разбудили меня, когда придет мой час. А если не получится, они по крайней мере живо уберут то, что от меня осталось. Раз-два, и готово!

— Лоренцо, ты не должен себя так утомлять.

— Я себя не утомляю, Фрида. Видишь ли, перспектива неминуемой смерти утомляет человека самостоятельно. Без посторонней помощи.

Она изогнула запястье. Сигарета элегантно застыла в воздухе.

У него защипало глаза. Интересно, подумал он, встречается ли она до сих пор со своим любовником, *иль капитано*. От Французской Ривьеры до Итальянской всего ничего. А любовник Фриды полон обаятельного нахальства и вкуса к жизни, этого у него не отнимешь. Связь жены с любовником давно перестала быть тайной между мужем и женой и стала лишь темой, которой они сознательно избегали.

Но в такие моменты он думал: а что, если бы. Как сложилась бы его жизнь, если бы он не сошел в тот вечер вниз по склону, через рощу олив, прочь от *нее*? *Дорогая Р., я ожидаю приезда Ф. через несколько дней — она утомительно пишет мне из Германии.* Чем, кем был бы он сейчас, если бы после

тех нескольких недель в Сан-Гервасио, с ней, просто остался бы там?

Дорогая Р. Если бы они остались вместе, то вместе растили бы ее трех маленьких дочек. Может, она и от него бы родила. Кто скажет? По утрам он работал бы над книгой среди древних олив, с видом на собор, мерцающий внизу на равнине.

А Фрида имела бы своего Анджело — еще в большем объеме, чем сейчас. И «Чаттерли» никогда не было бы, потому что он не испытывал бы потребности выписать Р., создать ее на кончике своего пера, сделать так, чтобы она была рядом.

*Прости, что так много слов, они потому, что я не могу тебя коснуться. Если бы спать, обняв тебя, незачем было бы чернила тратить*⁵.

Ближе к концу дня он поднимал бы голову от стола и видел бы, как она входит, возвращаясь с рынка, неся инжир, сыр и хлеб. Он смотрел бы через внутренний дворик виллы «Кановайя» на рыже-каштановую голову, склоненную над вышивкой или рисунком. По ночам в постели она прижималась бы к нему всем телом. И он бы не жаждал дотянуться до нее через шум и суету времени.

В тот вечер, спускаясь по холму, он не обернулся. Пусть думает, что он окончательно решил. Он послал несколько открыток и больше не виделся с ней.

Сейчас, на балконе «Адской астры», он попытался развернуть «купальное кресло», чтобы солнце не било в глаза и чтобы изгнать мысли о ней и о том, другом, далеком флорентийском балконе. Борясь с колесом, он возобновил тему:

— Брайтон. Уортинг... В Литтлхэмптоне было достаточно неплохо. Помнишь? Или в Богноре. Я был бы счастлив, как рыбка, в каком-нибудь занюханном богнорском пансионе. Я бы туда свалил завтра же, не будь за мою голову объявлена цена.

Он поднял взгляд. Жена улыбалась и махала прохожему, словно императрица с балкона дворца.

— Никто не объявлял цены за твою голову. — Она повернулась к нему и сняла тормоз с колеса. — Ты писатель, а не политический беженец.

— Ладно бы голову, но меня могут посадить.

— В тюрьме ты мог бы писать. В тюрьме кормят. Нет худа без добра, Лоренцо.

Он посмотрел на небо. Над Вансом царил жестоко безоблачный день. Какая может быть надежда? Когда солнце так светит кому ни попадя, жизнь превращается в бессмысленное бодрчество. Ривьера как она есть. Предсказуемая. Неразборчивая в связях. Популярная. Когда-то она была ему прибежищем и источником счастья, но теперь он ее ненавидел. Люди, везде люди.

Фрида отшвырнула сигарету в дневной свет и хлопнула в ладоши:

— Ну вот. Наше такси за углом. Я слышу мотор.

Его ноги были босы — бледные твари, моллюски без раковины. Как нелепо они выглядят на откидных подножках «купального кресла», подумал он.

— Правда? — спросил он, не сводя взгляда со ступней. — Правда, можно ехать?

Она вытряхнула через перила балкона пепел из плевательницы и томно, роскошно потянулась. Она не думала, что он искренне верит в свою близкую смерть. Если бы верил, то не распространялся бы об этом постоянно. А поскольку он не верил, то и Фрида не верила. Врачи пророчили ему смерть уже долгие годы, и они с Фридой научились не слушать прогнозов и диагнозов. Его друзья считали ее безответственной, невнимательной, даже преступной. Презирали ее за это и многое другое. Пускай себе, думала она. Он опроверг все предсказания врачей благодаря одной только силе воли, своей и Фриды, а значит, она не будет сейчас задумываться о том, что он попросил ее надеть ему носки и ботинки. Он сказал — впервые, — что при наклоне у него начинается тошнота и одышка.

Зажим подтяжки носка никак не защелкивался. Фрида сложилась вдвое, склонившись над ногой мужа. Он тем временем ждал, глядел вдаль, разглядывая горизонт — словно выискивая малозаметную трещинку в чаше дня. Все эти сло-

ва, все его труды теперь под арестом. «Какой во всем этом был смысл?»

— Я не хочу умереть в такси, — произнес он.

Она сказала, что придется потерпеть полуспушенный носок. Мелькнула мысль — может, расстегнуть ему ширинку и сделать минет, или сунуть увесистую грудь, чтобы успокоился. Но пора ехать, а его желания в последнее время стали далеко не такими однозначными. Если вообще когда-нибудь были однозначными. Она поднялась, красная от натуги, и сдула с лица прядь светло-седых волос.

— Моя шляпа! — Он вцепился в колеса кресла.

— Она в такси, Лоренцо. Если мы не выйдем сейчас же, водитель продаст ее и сбежит. Пожалуйста, не будь невыносим.

Он промолчал. Теперь он во всем зависел от нее. Без нее не мог выжить. Может, так было всегда. Любая покорная жена усыпила бы мозг и душу. Он нуждался в вызове, который бросала она. Возможно, даже нуждался в том, чтобы решать задачу, которой она была.

В браке им с самого начала пришлось нелегко. Она спокойно относилась к своим аппетитам, непринужденным забавам плоти. Он жаждал тайны, родственного и в то же время иного существа, неизведанной волшебной страны возлюбленной. От болезни он исхудал, а жена, ведомая аппетитом, располнела. Ей его не хватало, а ему ее было слишком много. Они приводили друг друга в отчаяние, и оно прочно связало их. Во времена относительной гармонии она его нянчила, и он принимал ее заботы. Этого было довольно. Теперь. Друзья давно пророчили распад их брака, но вот они двое, досконально знакомые друг другу, в незнакомом месте, цепляются за узкий карниз бытия.

Наконец шнурки на ботинках завязаны. Галстук точно посередине. Элегантный светло-серый летний костюм. Свежая рубашка с воротничком. Носовой платок — красный, чтобы не видно было пятен крови. Начищенные коричневые броги. «Прямо как настоящий джентльмен»⁶. Шляпахомбург. Через руку переброшен плащ. Лоуренс презирал эк-